

Прошу прощения, что помешал вашему веселью, но кажется, здесь происходящее требует некоторых объяснений.

Молчаливый обмен взглядами прервался, и Данчи посмотрел на дверь.

Вошедший Хо Тяньцин с первого же взгляда заметил два трупа на полу. В его глазах мелькнула искра, но в тот же миг лицо исказилось от ярости. Яростно уставившись на Данчи, он резко бросил:

— Великий Босс оказал вам гостеприимство, а вы его убили!

Данчи сохранял невозмутимое выражение лица. Окинув взглядом внезапно появившегося человека, он немного подумал и спросил:

— Ты здешний управляющий?

Хо Тяньцин на мгновение замер, затем кивнул:

— Верно, я управляющий этого места.

Данчи посмотрел на него и произнес:

— Теперь хозяин здесь я, значит, ты должен быть моим управляющим.

Хо Тяньцин опешил, похоже, не ожидая услышать такое, но быстро взял себя в руки. Отрицая, он заявил:

— Я остаюсь здесь лишь потому, что Великий Босс когда-то был ко мне добр. Раз Великого Босса больше нет, я, разумеется, больше не намерен служить здесь управляющим.

Данчи вдруг легко усмехнулся. Глядя на Хо Тяньцина с полуулыбкой, он произнес:

— Он был добр к тебе, но ты при этом заришься на его имущество.

Лицо Хо Тяньцина мгновенно переменилось:

— Что за чушь ты несешь?!

Столкнувшись с чередой провокаций, Данчи почувствовал раздражение. Ум его помрачнел, и он холодно бросил:

— Откуда в этом мире столько тупиц, которые возомнили себя умнее всех!

Хо Тяньцин злобно уставился на него. Никому не нравится, когда его называют тупицей, особенно когда он самодовольно считает, что победа уже у него в кармане.

Лицо его помрачнело, притворство больше было ни к чему, и он прямо признал:

— Если подумать, я ведь должен вас поблагодарить!

Глядя на ставших мертвецами людей на полу и гордо задрав подбородок, он произнес:

— Спасибо, что избавили меня от Янь Тешаня и Дугу Ихе.

Данчи кивнул:

— Верно, благодарить нас тебе действительно стоит, иначе следующей твоей жертвой стал бы ты сам!

Он называл себя управляющим, но за все время, пока Данчи находился здесь, этого человека никто даже не видел. Это могло означать лишь одно: он скрылся еще до их прибытия и объявился вновь лишь после смерти Янь Тешаня.

Хо Тяньцин замолчал.

— Верно. Сначала я думал, что ему не выжить, и даже не пытался скрываться, но никак не ожидал, что вы его спасете.

Поняв, что кто-то покушается на его жизнь, Янь Тешань повсюду таскал за собой толпы сильных защитников. Как столь осторожный человек мог быть полностью истреблен возле Башни Жуи за столь короткое время? Разумеется, лишь потому, что среди его окружения нашелся предатель! И этим предателем был Хо Тяньцин!

— Сразу после убийства Янь Тешаня я затаился и всё думал, как исправить положение, зная, что, закончив со всеми делами, он меня не пощадит. Позже я узнал суть вашей сделки и понял — вот мой шанс.

Произнеся это, Хо Тяньцин самодовольно ухмыльнулся:

— Я знал, что Янь Тешань ни за что не пожелает добровольно расстаться со своими сокровищами, а значит, обязательно найдет кого-то, кто с вами расправится. И вы стали той самой переменной! Я ведь не знал, кто вы такой, — посмотрел он на Данчи. — Поэтому я

просто наблюдал и не предпринимал никаких действий. А затем Янь Тешань отыскал Дугу Ихе, чтобы тот разобрался с вами, вы же... вы умудрились притащить Симень Чуйсюэ! Увидев Симень Чуйсюэ, я понял, что мне больше не о чем беспокоиться. Симень Чуйсюэ и Дугу Ихе — оба непревзойденные мастера меча, их встреча неизбежно должна была завершиться битвой, и кто бы из них ни проиграл, оставшийся в живых уже не представлял бы для меня угрозы. Раз уж мне однажды удалось убить Янь Тешаня, то убить его во второй раз не составит труда!

Он перевел взгляд на Данчи, его глаза блестели:

— В конце концов, единственным, чью силу я не мог оценить, оставались вы.

Лицо Данчи осталось бесстрастным.

Хо Тяньцин вздохнул:

— Честно говоря, мне вовсе не улыбалось наживать врага в вашем лице.

Он вздохнул, ведь портить отношения с искусным врачом — дело крайне неблагоприятное.

Данчи молча наблюдал за этим представлением, а затем вдруг усмехнулся — насмешливо и презрительно:

— На словах ты не хочешь быть моим врагом, а сам сияешь от самодовольства. — Он немного помолчал и добавил: — Ты до смерти уверен, что сумеешь удержать нас здесь.

На лице Хо Тяньцина и впрямь читалось неприкрытое торжество. Его замысел близился к завершению, и вскоре он должен был стать главным победителем в этом заговоре — ему было трудно не радоваться.

— Кого винить, если не себя? Зачем вы только позарились на сокровища Павильона Жемчужного Блеска и Роскоши!

В его голосе звучала показная скорбь, однако в глазах проступила зловещая, свирепая жестокость:

— Сегодня я никак не могу оставить вас в живых!

Выражение лица Данчи вновь стало отрешенным. Бросив на него равнодушный взгляд, он обронил:

— И это всё, на что ты способен?

Хо Тяньцин:

— Будь это в другое время, я бы, пожалуй, не был так уверен. Но сейчас я могу попытаться.

Лицо его излучало крайнюю уверенность — хотя он и пытался это скрыть, получалось из рук вон плохо.

— Мое кунг-фу, конечно, уступает тем, кто находится на вершине мастерства, но все же вполне неплохо.

Хотя он и произнес это с показной скромностью, в каждой черточке лица сквозила напыщенная гордость. Очевидно, он считал свои навыки не просто сносными, а великолепными. При этом ему не хотелось выглядеть высокомерным в чужих глазах, отчего на лице и застыла столь странная гримаса.

Глядя на Данчи, Хо Тяньцин самоуверенно заявил:

— Обычно у тех, кто искусен в медицине, боевые искусства самые заурядные. Хоть меня в последнее время и не было здесь, я управлял этим местом столько времени, что добыть любые сведения для меня проще простого. Эти два дня, что вы провели в Павильоне Жемчужного Блеска и Роскоши, вы только и делали, что изучали какие-то травы. Вы были так поглощены этим процессом, что не оставалось сомнений: медицина — ваша главная страсть.

Улыбка на его лице стала еще шире, словно он уже вынес окончательный вердикт:

— И как правило, преуспевая в одном деле, человек оказывается слаб во всем остальном. К тому же вы столь молоды, ваша внутренняя энергия просто не может быть высокой, так что мое кунг-фу наверняка превосходит ваше.

Слова звучали смиренно, но взгляд выражал железобетонную уверенность.

— Тем более что вы сейчас тяжело ранены, а значит, сколько бы у вас ни оставалось тузов в рукаве, применить их вы не сможете.

Дойдя до этого места, он даже подумал, что небеса сами благоволят ему. Симень Чуйсюэ убил Дугу Ихе, но и сам потратил колоссальное количество внутренней энергии; не успел Хо Тяньцин порадоваться гладкому ходу плана, как между этими двумя вспыхнула ссора, и Данчи был тяжело ранен Симень Чуйсюэ.

Хо Тяньцин был вне себя от восторга. Глядя на пятна крови на их одеждах, он сокрушенно покачал головой, изображая сожаление:

— Ваши отношения, похоже, совсем не так хороши, как гласят слухи. Какая жалость!

Хотя он и говорил о жалости, на деле он лишь пользовался моментом для насмешек. Если бы они не перегрызлись меж собой, разве мог бы он сейчас чувствовать себя победителем, держащим всё под контролем?

Данчи до этого молча выслушивал его тираду, но теперь недовольно нахмурился. У них с партнером по даосскому пути были глубокие и крепкие чувства, с чего это вдруг их отношения плохие? И куда только у этого глупца глаза смотрят?

Лицо Данчи помрачнело, он недобро посмотрел на собеседника.

Хо Тяньцин истолковал это по-своему и самодовольно протянул:

— Даже если у вас припасено чудодейственное лекарство от ран и вы даже захотите отдать его главе усадьбы Симень, ци в меридианах не восстановится по мановению волшебства. А этого времени мне вполне хватит, чтобы покончить с вами.

На его лице застыла абсолютная уверенность; впрочем, он чувствовал себя донельзя расслабленно с самого момента, как переступил порог этого двора.

Глядя на болтуна, который продолжал нести чушь сам с собой, Данчи проявил крайнее презрение:

— Значит, всё это время ты строил лишь пустые догадки.

Мерить других по собственному разумению и при этом упиваться собственной сообразительностью, теща свое самолюбие.

Хо Тяньцин усмехнулся и кивнул. В его улыбке проскользнуло нечто вроде гордости, и он с фальшивой любезностью произнес:

— Все присутствующие — признанные мастера, и когда вы схлестнулись здесь в бою, мне, разумеется, пришлось держаться подальше. В конце концов, я уже совершил оплошность однажды, так что повторять ошибки было нельзя. В конце концов, так ли важно, видел ли я всё своими глазами, если я уже лицезрею желанный итог?

— Желанный итог? — на лице Данчи отразилось странное выражение. Он тихо повторил эти слова, уточняя: — Ты имеешь в виду те самые взаимные увечья, о которых говорил раньше?

Хо Тяньцин усмехнулся:

— Верно. Нынешний исход оказался даже лучше, чем я планировал. Пока цапли борются друг с другом, рыбаки забирают всю добычу. И в конце концов победителем выйду только я!

Данчи молча смотрел на него, и перед лицом столь слепой самоуверенности ему оставалось лишь вздохнуть:

— До чего же ты самоуверен!

Доходить в своем оптимизме до такой степени — это уже давно не просто недооценка противника, Данчи даже лень было тратить на него эмоции. Видимо, с самого детства этого человека воспитывали в атмосфере слепого оптимизма, иначе как объяснить столь естественную, первозданную глупость?

Хо Тяньцин же решил, что тот смирился со своей участью, и на его лице промелькнуло подобие скромности:

— Это всего лишь элементарный расчет.

Данчи больше не испытывал ни малейшего желания слушать его болтовню, да и тратить время зря не собирался. В его глазах мелькнуло презрение:

— А не приходило ли тебе в голову, что возможен и другой исход?

Произнеся это, он внезапно шагнул вперед, оказавшись спиной к дверям. При этом взгляд его был прикован к Хо Тяньциню, и он нарочито пренебрежительно бросил:

— Даже будучи ранеными, мы можем прикончить тебя одним взмахом руки.

Заметив, как он сместился, Хо Тяньцин расплылся в странной улыбке, а в его глазах вспыхнул еще больший азарт. Сейчас ему казалось, что сегодня всё в этом мире складывается исключительно по его воле.

— Разумеется, я думал об этом.

Подыгрывая собеседнику, он продолжал говорить, чтобы удержать внимание Данчи, в то время как его глаза то и дело косились на дверь.

Данчи делал вид, что ничего не замечает, и продолжал смотреть на него свысока.

Хо Тяньцин больше не сдерживал гнев, ведь в этот самый момент из-за двери вылетели несколько тончайших игл, похожих на бычий волос. Словно черные тени, они рассекли воздух

и вонзились прямо в незащищенные уязвимые точки Данчи, открывшиеся тем из-за недавнего шага.

В глазах Хо Тяньцина вспыхнул ослепительный блеск:

— Ты никак не ожидал, что у меня припасен еще один сюрприз!

Он уже собирался продолжить, как вдруг воздух вокруг резко похолодал.

Потрясенный этой переменой, Хо Тяньцин резко задрал голову, и его зрачки сузились до точек.

Симень Чуйсюэ, о котором он уже почти успел позабыть, неизвестно когда повернул к нему голову. Его леденящий взгляд был настолько острым и пронзительным, что казался клинком, только что выбывшим из ножен.

Исходившая от него жажда убийства была столь плотной, что кожа на лице Хо Тяньцина заколола от боли.

Не совладав с собой, Хо Тяньцин сделал шаг назад. Ему еще никогда не доводилось сталкиваться с Симень Чуйсюэ лицом к лицу, и он никак не ожидал, что тот даже сейчас излучает столь подавляющую ауру, от которой в самом сердце зарождался первобытный ужас.

Однако, заметив краем глаза следы от меча на теле Дугу Ихе, он заставил себя успокоиться. Силы Симень Чуйсюэ были примерно равны силам Дугу Ихе, и после схватки с ним он никак не мог остаться непобедимым.

Мысль об этом вернула на лицо Хо Тяньцина улыбку, хоть и несколько натянутую.

Натужно усмехнувшись, он произнес:

— Чтобы наверняка покончить с вами обоими, мне пришлось прибегнуть к этому средству.

— Он уже под действием моих игл Птицы Феникса, давайте скорее к делу.

Долго прятавшаяся в засаде Шангуань Фэйянь потеряла всякое терпение и, убедившись, что нападение из засады удалось, поспешила войти, чтобы подстегнуть сообщника. Она объединилась с ним ради сокровищ, а вовсе не для того, чтобы слушать его хвастовство.

Войдя, Шангуань Фэйянь даже не посмела взглянуть на Симень Чуйсюэ. Уставившись исключительно на Данчи, она произнесла сладким голосом самые ядовитые слова:

— Это мой фирменный яд. Назовешь место, где спрятаны сокровища Янь Тешаня, и, пожалуй, я дам тебе противоядие.

Данчи даже не взглянул на вонзившиеся в него ядовитые иглы. Лишь равнодушно бросив на них мимолетный взгляд, он с абсолютно невозмутимым видом продолжил:

— Ты только что нес столько чепухи, привлекая наше внимание, исключительно ради того, чтобы дать ей возможность ударить исподтишка.

— Честно говоря, я и сам не ожидал, что всё пройдет так гладко, — Хо Тяньцин посмотрел на Данчи, не скрывая удивления. — Но ваши методы внушают опасения, так что даже будучи раненым, вы вынуждаете меня проявлять предельную осторожность.

Данчи кивнул, а затем, вспомнив слова той женщины, недоверчиво спросил:

— Ты не знаешь, где спрятаны сокровища Янь Тешаня?

Хо Тяньцин кивнул, и при этой мысли лицо его помрачнело:

— Верно. После того как я предал его, он перепрыгнул добро, и я еще не успел отыскать тайник.

Шангуань Фэйянь потеряла интерес к их беседе и поторопила Данчи:

— Выкладывай сокровища Янь Тешаня, тогда я, возможно, подумаю о том, чтобы пощадить тебя.

На лице Данчи отразилось недоумение:

— Ты что, возомнил, будто перед смертью он поведал мне тайник с сокровищами?

Не успел Хо Тяньцин ответить, как их прервала Шангуань Даньфэн:

— Раз уж ты тоже явился сюда ради этих богатств, как ты мог убить их, предварительно не узнав, где лежит добро?

Как и Хо Тяньцин, она была непоколебимо уверена в собственных суждениях. Более того, оба они страдали одним недугом — мерили окружающих по себе.

— Отдавай добро, не то... — продолжала она угрожать, но у входа вновь раздался голос:

— Боюсь, он не согласится на эту сделку.

Кто-то снова пожаловал.

Похоже, сегодня этот задний двор пользовался невероятной популярностью.

На сей раз явились Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу.

Удивленно уставившись на них, Хо Тяньцин выдохнул:

— Вы еще не ушли?

Он не мог не поразиться — решившись на дело, он побеспокоился о том, чтобы убрать всех лишних свидетелей.

Лу Сяофэн усмехнулся:

— Ушли, но потом вернулись.

Тут Лу Сяофэн самодовольно ухмыльнулся:

— Я ведь еще не увидел финал этой истории, как я мог уйти с легким сердцем? Вот и вернулся сюда, никак не ожидая застать столь захватывающую развязку.

Разумеется, всё было не так: Лу Сяофэн и помыслить не мог, что Хо Тяньцин и Шангуань Фэйянь решат сыграть роль птицы, ждущей за спиной богомола. Он просто переживал за исход поединка между Симень Чуйсюэ и Дугу Ихе, да и червь сомнения по поводу того, не подстроил ли всё Данчи заранее, не давал ему покоя.

Он и в страшном сне не мог представить подобного развития событий, но раз уж выпал шанс понаблюдать за таким зрелищем... Заметив снаружи шушукающихся Хо Тяньцина и Шангуань Фэйянь, они с любопытством последовали за ними и в итоге стали зрителями столь увлекательной драмы.

Хо Тяньцин же решил, что его план был полностью раскрыт. Вся спесь слетела с его лица, оставив лишь пепельную бледность.

— Лу Сяофэн, ты и вправду невероятно умен. Неудивительно, что твоя слава гремит по всему миру. Я столько времени потратил на подготовку, а в итоге остался ни с чем! Прямо как с моим кунг-фу: сколько ни старайся, а в число лучших мастеров не войти.

На мгновение Хо Тяньцин захлестнуло полное отчаяние. Он мечтал пробиться своими силами, прославиться в Цху и сделать так, чтобы при упоминании его имени люди говорили «Хо Тяньцин», а не просто «глава Секты Небесной Птицы».

Он вырос окруженный похвалами, но всегда жил лишь тенью наследника Секты Небесной Птицы. Ему хотелось избавиться от этого бремени, хотелось слышать восхищение чужих людей: мол, Хо Тяньцин донельзя умен, хитер и отважен, а вовсе не то дежурное «настоящий молодец, достойный сын своей секты!»

Наблюдая за ним, Лу Сяофэн покачал головой и вздохнул:

— Но всё же нашелся кто-то умнее тебя.

Хо Тяньцин ошарашенно переспросил:

— Кто?

Лу Сяофэн посмотрел на него:

— Тот, кто заставил тебя повернуть всё это.

Глаза Хо Тяньцина покраснели:

— Ты думаешь, мной просто воспользовались? Думаешь, не я здесь всё затеял?

Очередная волна отрицания окончательно сломила Хо Тяньцина. На его шее вздулись вены, и он с криком бросился на Лу Сяофэна.

Лу Сяофэн вздохнул:

— Пусть я и понятия не имею, что толкнуло тебя на это, но я отлично знаю, что Секта Небесной Птицы всегда жила впроголодь. Вырастая в такой обители, с чего бы тебе вдруг помешаться на звонкой монете?

Дело было не в том, что у Секты Небесной Птицы совсем не водилось денег, просто ее адепты привыкли довольствоваться малым. И глава подобной секты вел соответствующий, скромный образ жизни.

Предаваться столь изощренным махинациям ради сокровищ Династии Цзиньпэн могли лишь те, кто сгорает от страсти к богатству!

Хо Тяньцин не желал признавать свое поражение:

— Да именно потому, что мы жили в такой нищете, мне и понадобились эти сокровища!

Лу Сяофэн лишь молча улыбался, глядя на него.

Лицо Хо Тяньцина исказилось от злости, он с такой силой стиснул зубы, что те едва не заскрипели:

— С меня хватит этой проклятой роли главы!

Лу Сяофэн вновь покачал головой и безнадежно вздохнул:

— Если уж тебе так претило носить имя главы Секты Небесной Птицы, зачем было так надрываться?

<http://bllate.org/book/22050/2292940>